

КРЫМЪ

ВЪ ПОЛОВИНЪ XVIII СТОЛѢТІЯ

В. БРУНА.

ИЗД. И. ФЕДОРОВА.

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. НИТЧЕ.

1867.

КРЫМЪ

ВЪ ПОЛОВИНЪ XVIII СТОЛѢТІЯ

В. БРУНА.

ИЗД. И. ФЕДОРОВА.

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. НИТЧЕ.

1867.

Доволено цензурою. Одесса, 12 Ноября 1867 года.

КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВЪ,

ОКОЛО ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Нижеслѣдующій очеркъ переведенъ мною изъ статьи, помѣщенной въ Запискахъ Вѣнской академіи наукъ (XL, 550 — 593), подъ заглавіемъ: «Walachei, Moldau, Bessarabien, die Krim, Taman und Asow (in der Mitte des vorigen Jahrhunderts). Ein topographisch-ethnographischer Beitrag zur Kenntniss der damaligen Türkei. Aus dem Türkischen übertragen: von dem e. M. Ottokar Freiherr von Schlehta Wssehrd».

Изъ предисловія нѣмецкаго переводчика мы узнаемъ, что онъ извлекъ статью эту изъ сочиненія турецкаго чиновника, которое сохранилось въ рукописи, и то, кажется, въ одномъ только экземпляръ, у государственнаго совѣтника (убл-бея (Ssubhi-Bey) въ Константинополѣ. Трудъ этотъ состоитъ изъ трехъ томовъ, заключающихъ въ себѣ, на 327 стр. in fol., описание Египта, западной Африки, европейской Турціи, христіанской Европы и Америки, съ замѣтками объ устройствѣ двора, войска и флота Оттоманской имперіи.

«Должно думать», замѣчаетъ г. Шлехта, «что сочиненіе это было написано не позже пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка, поелику авторъ о многомъ говоритъ какъ очевидецъ, позднѣйшее же datum имъ отмѣченное 1742 годъ».

Такъ какъ та именно часть его замѣтокъ, которая явилась въ Запискахъ Вѣнской академіи, для насъ еще интереснѣе, чѣмъ для Нѣмцевъ, то я считалъ не лишнимъ сдѣлать ее доступною для русскихъ читателей, въ невозможности пользоваться для своего перевода турецкимъ оригиналомъ и въ неизвѣстности скорс-ли онъ удостоится вниманія кого-либо изъ нашихъ ориенталистовъ.

Предоставляя себѣ представить публикѣ въ другомъ мѣстѣ переводъ замѣтокъ турецкаго автора о румынскихъ вняжествахъ и Бессарабіи, я ограничусь здѣсь сообщеніемъ того, что онъ говоритъ о Крымѣ, съ окрестностями, съ присовокупленіемъ впрочемъ къ его словамъ замѣчаній, заимствованныхъ мною отчасти изъ дневника фельд-маршала графа Мюнха о крымскомъ походѣ 1736 г., изданнаго Германомъ (Beiträge zur Geschichte des russischen Reichs; Leipzig, 1843 стр. 117 — 229), по рукописи, хранящейся въ бібліотекѣ Саксонскаго главнаго государственнаго архива.

Хотя дневникъ этотъ, мастерски начертанный, представляетъ намъ весьма любопытныя подробности о топографіи Новороссійскаго края, равно какъ и о попыткахъ для присоединенія его къ Имперіи, тѣмъ не менѣе онъ до свѣхъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, еще не былъ переведенъ на русскій языкъ. Посему то именно я рѣшился пользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы познакомить любителей отечественной нашей исторіи и географіи хоть съ нѣкоторыми отрывками изъ записокъ «Сѣвернаго Евгенія», къ которому мы въ полномъ правѣ приимѣнить замѣтку Квинтиліана о дѣяніяхъ Юлія Цесаря: eodem animo dixit quo bellavit.

Ф. Брунз.

Крѣпость *Очаковъ* (Ози) лежитъ подъ 58 гр. дол. и 48 гр. шир., въ 36 часахъ отъ Бендеръ, при рѣкѣ того-же имени (Озису: Днѣпръ). Хотя тутъ нѣтъ гавани, тѣмъ не менѣе корабли, безъ опасности, могутъ стоять на якоряхъ предъ крѣпостью. Вода Днѣпровская тамъ не сладка, потому что морская вода проликаетъ въ рѣку выше Очакова, противъ котораго стоитъ крѣпость *Килбурнъ* (Килбурунъ) съ особеннымъ комендантомъ (1). Очаковъ не въ состояніи препятствовать козакскимъ чайкамъ пробираться въ море изъ Днѣпра, такъ какъ онъ тутъ имѣетъ четыре мили ширины.

Русскому-же флоту крѣпость можетъ преградить путь въ море. Чтобы обезопасить себя и противъ козаковъ, были заложены въ 1090 (1679) году, не далеко отъ укрѣпленія Тегинскаго (Тогаиъ-гиссаръ) двѣ крѣпости, мѣшавшія имъ пробираться въ

Черное море (2). Но по причинѣ продолжавшихся успѣхъ въ невѣрныхъ, обѣ эти крѣпосцы были затѣмъ повинуты. Впрочемъ и нынѣ еще существуютъ два укрѣпленныхъ пункта и удобный для плаванія лиманъ, названный «Березанскій». Выше Очакова протекаетъ рѣка Бугъ, называемая также Акъ-су. Рѣка сія идетъ изъ Россіи. Въ сосѣдствѣ Тегинскаго укрѣпленія лежитъ «Карендашюкъ-Ормани» (Дѣсь моего брата, нынѣ Козацкіе Лагери, противъ Херсона), гдѣ обитаютъ Запорожскіе козаки (Потвалы), которые въ прежніе времена были подвластны Крымскимъ ханамъ, и служили поденщиками для жителей Очакова, Аккермана, Бендеръ и Кишин. Называли ихъ по этому «Терь-оглу» (потѣющіе-парни). Иногда также ихъ продавали въ рабство купцамъ Константинопольскимъ и Египетскимъ, и тѣмъ подавали поводъ къ многимъ жалобамъ, со стороны атамана козацкаго, крымскому хану и командующимъ въ тѣхъ мѣстахъ сераскирамъ. Впрочемъ никто не обращалъ вниманія на это. Козаки суть невѣрные весьма храбрые и воинственные, числомъ до 12,000 и вооружены ружьями. Они въ своей средѣ не терпятъ женщинъ, но исполняются молодыми людьми изъ Россіи и Польши, бѣжавшими отсюда ради какого-либо преступленія. Нѣкогда они были подвластны Высокой Портѣ и доставляли ей въ военное время контингентъ легкихъ войскъ, всегда готовыхъ къ бою и быстрыхъ какъ вѣтръ. Но въ 1135-мъ (1722 — 1723) году, въ царствованіе крымскаго хана Менгли-Герая, они снова жаловались на продажу въ неволю, по ихъ словамъ, не менѣе 500,000 козаковъ изъ разныхъ городовъ и портовъ Бессарабскихъ. Но въ этотъ разъ не внимали ихъ жалобъ. Русскіе, бывшіе дотоле ихъ смертельными врагами, пользовались раздраженіемъ у нихъ происходившимъ по сему случаю, чтобы предложить Портѣ предоставить ихъ власти всѣ племена козацкіе. Последніе тщетно просили, чтобы сего не дѣлали. Но, не вышмая ихъ гласу, дали себя надуть со стороны невѣрныхъ и уступили Россіи болѣе 12,000 людей способныхъ носить оружіе. Но это приращеніе могущества Москвитянъ еще болѣе усилило ихъ желаніе овладѣть всѣмъ Чернымъ моремъ. Вскорѣ спустя они взяли Азовъ и проникли въ 1149 (1736) году даже въ Крымъ, взявъ приступомъ Перекопъ (Оръ), коего жителей увезли въ плѣнъ въ Россію.

откуда ихъ возвратили уже по истеченіи долгаго времени. Когда правительство (турецкое) это узнало, то оно послало Мегмеда-пашу, зятя Топалъ-Осьманъ-пашы, сераскиромъ, съ 60,000 человекъ отборнаго войска къ Дунаю, гдѣ онъ остановился при Каргалѣ, противъ Исакии, не получивъ позволенія двинуться далѣе. Затѣмъ прибылъ немедленно и силдари Сейджидъ Мегмедъ-паша съ священнымъ знаменемъ и переправился въ Исакчѣ, но затѣмъ также не тронулся съ мѣста. Яги-паша, тогдашній комендантъ Очакова, просилъ его о пособіи, извѣщая, что Русскіе уже перешли черезъ Бугъ и приближались къ крѣпости. Но кія великаго визиря, Османъ, объявилъ это извѣстіе пустою выдумкою и не обращалъ никакого вниманія на письменное донесеніе. Между тѣмъ невѣрные дѣйствительно подступили къ Очакову и начали его осаду (3) Взрывъ пороховаго магазина имъ много благоприятствовалъ. Часть крѣпости была разрушена пушечными выстрѣлами; остальная была предана разграбленію, и пережившіе обитатели увезены голые въ плѣнъ. Въ Очаковъ былъ назначенъ русскій комендантъ, и часть русской флотиліи получила тамъ свою станцію. Между тѣмъ стояли въ Каргалѣ, какъ могъ лично убѣдиться находившійся при священномъ знамени авторъ этихъ строкъ, не менѣе 200,000 яничаръ, не считая кавалеріи. Но къ чему они пригодились, не предпринявши ничего для спасенія города. Въ то самое время Менгли-Герай былъ назначенъ ханомъ Крымскимъ и посланъ съ Родоса въ Каргалѣ, для возвращенія Очакова. Двѣ недѣли до дня Св. Дмитрія новый сераскиръ Бендерскій Гендшъ-Али также двинулся къ Очакову, осажденному такимъ образомъ соединенными ихъ силами. Но вскорѣ зима наступила; ханъ возвратился черезъ Днѣпръ въ Крымъ и остальные войска разсѣялись, оставляя на мѣстѣ багажъ. Многіе изъ раненыхъ погибли жалкимъ образомъ подъ льдомъ и снѣгомъ. Главная армія также возвратилась въ Константинополь, послѣ чего Русскіе взорвали укрѣпленія Очакова и стерли ихъ съ лица земли. Но по ихъ отступленію они снова были построены Портою.

Очаковъ снабжается водою для питья изъ колодезевъ, находящихся на часъ разстоянія отъ города, ибо рѣчная вода въ содѣдствіи соленовата. За то вокругъ лежащая равнина прекрасна

и плодородна. Климатъ также хорошъ. Въ окрестностяхъ водятся многочисленныя стада рогатаго скота, овецъ и лошадей. Въ сосѣднихъ степяхъ встрѣчаются дикія овцы, дикія лошади и также — въ дикости живущіе люди. Предъ нашествіемъ Русскихъ, населеніе было весьма зажиточно, такъ что вовсе не было убогихъ. Но такъ какъ жители во многихъ отношеніяхъ не наблюдали мѣры, то Богъ ихъ наказалъ пришествіемъ невѣрныхъ. Желавшіе отправиться изъ Очакова въ Крымъ, переправляются на понтонахъ въ Кинбурнъ. Оттуда степь, имѣя въ протяженіи 36 часовъ, тянется до Перекопа. Степь эта, въ которой путешественники проводятъ двѣ или три ночи, называется Гайгать (Haihah?).

Входимъ въ Крымъ служить *Перекопъ* (Уръ), лежащій подь 63 гр. долг. и 49 шир., на перешейкѣ, который ограничивается съ правой стороны Чернымъ моремъ, съ лѣвой-же — Азовскимъ. Перешеекъ этотъ, имѣющій въ протяженіи полторы мили (4,) снабженъ высокимъ укрѣпленіемъ и ровомъ въ 7 пикъ (ок. аршина) глубины и 20 пикъ ширины. На берегу лежитъ каменная крѣпостца съ предмѣстьемъ. Вода получается изъ колодезь. Садовъ и огородовъ вовсе нѣтъ въ окрестностяхъ, подходящихъ на островъ. Впрочемъ климатъ здоровый и зима мягка. Но причинѣ недостатка въ лѣсѣ, топятъ навозомъ. И Перекопъ былъ въ свое время взятъ Русскими, (5), которые его взорвали минами. За тѣмъ онъ былъ снова выстроенъ правительствомъ, такъ какъ онъ есть врата и оплотъ Крыма. Къ сожалѣнію никогда не обращали на это достаточнаго вниманія: въ противномъ случаѣ не оставили-бы превратить его въ одну изъ сильнѣйшихъ и лучшихъ крѣпостей.

Крымъ есть островъ, имѣющій видъ треугольника и 700 миль въ объемѣ и находящійся въ связи съ твердою землею посредствомъ перешейка Перекопскаго, который имѣетъ въ ширину полторы мили. Онъ населенъ Татарами. Главный ихъ городъ, резиденція хановъ, называется Бакчисарай. Всѣ города и мѣстечки подвѣдомственны хау, за исключеніемъ Каффы и крѣпости Еникале, гдѣ оттоманскіе паши командуютъ.

Каффа (Кеффе), хорошо обстроенный городъ и сильная вѣр-
 постъ, лежить подь 65 град. долг. и 47 град. шир., на разсто-
 яніи 464 $\frac{1}{2}$ миль (морскихъ?) отъ Константинополя. Городъ этотъ,
 по правдѣ, перлъ (Schmuck) всего острова. Принадлежа прежде
 Генуэзцамъ, онъ при султанѣ Магометѣ (II) былъ завоеванъ для
 Порты, вѣстѣ съ Азовомъ и Мангуномъ-Гедивъ-Ахмедъ шапю,
 который туда былъ посланъ съ флотомъ и плѣнилъ находившаго-
 ся тамъ Менгли-Герая, потомка Гаджи-Герая. Отправленный въ
 Константинополь, онъ тамъ былъ содержанъ въ заточеніи нѣсколь-
 ко дней султаномъ, но за тѣмъ, по представленію Мирзы-Бега,
 который, указывая на потребность правителя, просилъ, чтобы его
 назначили провизорнымъ ханомъ съ тѣмъ, чтобы онъ призналъ вер-
 ховную власть Порты — былъ освобожденъ, награжденъ бараба-
 номъ и знаменемъ и въ сопровожденіи отряда оттоманскихъ войскъ
 отправленъ обратно въ Крымъ. Тутъ Мирза-бегъ выступилъ ему
 на встрѣчу и ввелъ его торжественно въ Бакчи-сарай.

Въ Кафѣ, гдѣ, какъ было сказано, имѣеть свою резиден-
 цію турецкій губернаторъ, относительная численность татарскаго
 населенія не велика; невѣрныхъ, напротивъ того, тамъ нахо-
 дится много. Последніе занимаются выкупомъ рабовъ и ихъ от-
 правленіемъ въ Польшу и Россію. Въ Кафѣ 12 греческихъ и 32
 армянскихъ церквей. При завоеваніи сего города Портою, въ немъ
 число жителей доходило до 6,000 семействъ съ 30,000 рабовъ. И
 нынѣ еще онъ въ хорошемъ состояніи, имѣеть красивыя мечети,
 бани, базары и считается важнымъ торговымъ мѣстомъ, которое
 часто посѣщается купцами Константинопольскими и Транезунт-
 скими. Многія изъ тамошнихъ баней и магазиновъ суть фондуши
 въ пользу святыхъ мѣстъ (гаремейнъ). И муфти, кади и другіе
 улемы имѣють тамъ свою резиденцію.

Бакчисарай, лежащій подь 64 гр. долг. и 48 шир., глав-
 ный городъ Крыма; онъ хорошо обстроенъ и пользуется здоро-
 вымъ климатомъ. Ручей протекаетъ чрезъ городъ, украшаемый са-
 дами и огородами. Въ немъ имѣеть свою резиденцію ханъ; но
 дворець его съ мечетью и проч. сгорѣли; въ царствованіе Кап-
 ланъ-Герая, когда Русскіе, вторгнувшіеся чрезъ Перекопъ съ значи-
 тельными силами, въ 1150 (1737) году, разрушили городъ (6).

Въ то же время, сосѣдственныя мѣстности были раззорены, жители же отведены въ плѣнъ. По удаленіи Русскихъ дворець былъ построенъ сновъ, для какой цѣли были посланы Портою изъ Константинополя строевой матеріалъ, архитекторы и красильщики. Не далеко отъ Баячисарая лежить на возвышенности сильная крѣпостца, названная Чуфуть-Кале и населенная евреями.

Акмесджибъ (Ak-Mestschid, Симферополь), резиденція каггисултана (викарія хана), приблизительно съ 150 домами. Около Баячисарая лежить еще мѣстечко Альма-Сарай (Elma-Sarai) съ франко-европейскою церковью и, около, 50 домамъ.

Гѣзеле (Козловъ, Евнаторія), значительное мѣсто (7) при ущельѣ, съ хорошою гаванью. Не далеко оттуда другой городокъ, возлѣ котораго добывается соль, съ гаванью, именуемою Алешки (Олейта).

Баяклавъ, съ весьма глубокою, удобною гаванью, гдѣ корабли обезпечены противъ бурь со всѣхъ сторонъ. Въ цитадели находятся примѣрно 150 домовъ. Дорога оттуда до Каффы камениста (8).

Берчь, подъ 67 гр. д. и 48 ш., при Азовскомъ морѣ, къ сѣверу отъ Каффы, укрѣпленная паланка.

Тамань, городъ съ цитаделью, извѣстный по своей торговлѣ, лежить противъ Керчи, въ Азіи, на небольшомъ, но хорошо обработанномъ полуостровѣ. Въ цитадели имѣетъ свое мѣстопробываніе комендантъ (мугафиць) съ гарнизономъ. Въ городѣ находятся хорошія мечети, бани и базары. Нѣкоторые изъ тамошнихъ магазиновъ суть фундашы святыхъ мѣсть. Таманское село славится, и тамошніе купцы производятъ торговлю съ Черкесами, Абхазами и Улу-ногайцами. Противъ Тамани лежить мысъ, называемый Акинди-бурунъ (9) и Ени-кале, построенный въ царствованіе султана Ахмеда при великомъ визирѣ Али-пашѣ въ Чорли (10). Тамъ живетъ также комендантъ крѣпости.

Въ Крыму лежить еще на берегу Азовскаго моря, которое тамъ вдается далеко въ землю

Арабатъ (Рабатъ), построенный для защиты края противъ козаковъ по случаю отлива моря. Во время вторженія Русскихъ въ Крымъ, часть изъ нихъ перебралась въ бродъ въ сосѣд-

ствѣ Арабата и увели съ собою большое число плѣнныхъ изъ близлежащихъ крымскихъ деревень.

Мамуля, въ Крыму, названный также Карасу (11), мѣсто укрѣпленное съ 60 домами, населенными отчасти евреями.

Окрестности весьма лѣсисты.

Карашка, выше Тамани, при самомъ концѣ пролива у Азовскаго моря, разоренная крѣпость.

Кизиль-Ташъ, въ трехъ часахъ отъ Тамани, при Кубани, небольшая крѣпость, почитаемая частью Тамани. Предъ цитаделью находится мостъ.

Джане, значительная деревня при большой рѣкѣ, которая изливается въ Азовское море, съ укрѣпленіемъ, обращеннымъ къ рѣкѣ. Тамъ имѣеть жительство Акъ-Чыбукъ-Бегъ, подвѣдомственный татарскому хану, черкесскій начальникъ надъ 300 деревнями вокругъ лежащими. Разстояніе между Джане и Кизиль-ташомъ составляетъ 6 почтъ, тогда какъ оттуда до Азова считается десять дней ѣзды. Надъ сказанною рѣкою переправляются на паромахъ. Оттуда до Азова пролегаетъ степь.

Хирсова, въ двухъ почтахъ отъ Азова на пути въ землю черкесовъ, хорошо обстроенный городъ (12). Тамерланъ, какъ говорятъ, осадилъ его, но не могъ имъ овладѣть. По этому онъ для виду только съ нимъ примирился, требуя въ залогъ пересылки живыхъ воробьевъ. Жители тогда словили ихъ известное число и переслали ихъ къ нему. Но онъ, велѣвъ привязать горящую сѣру подъ крылья этихъ воробьевъ и пустилъ ихъ на волю, послѣ чего они, добираясь до прежнихъ своихъ жилищъ, летѣли обратно въ городъ, который такимъ образомъ сгорѣлъ.

Темрюкъ, между Таманью и Кубанью, укрѣпленное мѣстечко, выстроенное изъ лѣса и населенное преимущественно Черкесами и Абхазами. Мусульмановъ здѣсь не много. Мѣстечко это отстоитъ отъ Кубани въ 3 почтахъ, отъ Тамани на западъ, въ 2. Вообще есть три дороги отъ Тамани въ Азовъ: первая, главная, ведетъ чрезъ Джане и имѣетъ 16 почтъ; другая, чрезъ Темрюкъ, вдоль морскаго берега (4 почты), но только тогда, когда вода открыта льдомъ; наконецъ дорога чрезъ Старый-Джане, въ середи

въ между обѣими первыми, составляетъ 8 станцій. Дорога въ Тамани къ Кубани ведетъ частью лѣсомъ, частью степью.

Кубань идетъ изъ земли Черкесовъ, течетъ съ востока на западъ и является, около Кизиль-таша, раздѣленной на два рукава, изъ коихъ одинъ изливается въ Черное море, а другой въ Азовское. Страна, заключенная между обоими рукавами, имѣетъ видъ возвышеннаго острова. Тамъ, если не ошибаюсь, лежитъ, крѣпость Аджу (Ачувевъ), построенная недавно для замѣненія Азова и ограниченная съ двухъ сторонъ приведенными рукавами Кубани, а съ двухъ другихъ — моремъ. На томъ-же рѣчномъ островѣ лежатъ Темрюкъ, Тамань, Кизиль-ташъ и Карашка, которые всѣ зависятъ отъ Каффы.

Азовъ (Азакъ), о которомъ также скажемъ по причинѣ его соседства съ Крымомъ, лежитъ, подъ 73 гр. д. и 49½ ш. при восточномъ берегу Дона, на плоской возвышенности, окруженный кустарниками. Онъ состоитъ изъ трехъ различныхъ цитаделей, имѣющихъ каждая, на подобіе стараго сарая въ Константинополѣ, свои ворота, по средствомъ коихъ они соединены между собою. Съ сухонутной стороны всѣ они защищены рвомъ. Всѣ три вмѣстѣ имѣютъ 9 башней. Стѣны просто сложены изъ черной земли. Цитадели называются: Тамъ-кале; здѣсь жилище аги яичаръ и мечеть, выстроенная при султанѣ Баязитѣ; Орта-кале, гдѣ резиденція бега Азовскаго и Топракъ-кале. Азовъ, прекрасная и сильная крѣпость, тѣмъ не менѣе былъ уступленъ Русскимъ въ 1149 (1736) году (13).

Черкасскъ (Черкесь-керманъ) островъ въ Дону, въ 7 часахъ отъ Азова, съ землянымъ фортомъ и русскимъ гарнизономъ 1,000 чедовѣкъ.

Донъ (Тонъ) значительная рѣка, течетъ съ С. къ Ю. чрезъ землю козаковъ, мимо Азова въ Азовское море. Вдоль по теченію его козаки имѣютъ 36 шанцевъ, и плаваютъ на немъ изъ Черкаска на чайкахъ.

За послѣднимъ мѣстомъ, т. е. между нимъ и Азовомъ, въ мѣстности именованной Бешъ-тене (пять холмовъ) рѣка дѣлится на два рукава, изъ коихъ большой, обращающійся къ С. называется верхнимъ (Улу-тонъ). Этотъ въ свою очередь дѣлится также на

два рукава. Изъ конхъ одинъ мимо Азова изливается въ море и потому называется Азакъ-су. Средній рукавъ называется Камлпдша. Оба однимъ и тѣмъ-же устьемъ впадаютъ въ море, куда сплѣ путемъ добираются русскіе лодки. Въ прежнія времена можно было плѣ преградить этотъ путь посредствомъ крѣпости, устроенной на сваяхъ на мели верхняго Дона, которая находится на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, дѣлившись, образуетъ второй рукавъ, именуемый «Камлпдша» (Каланча). Но въ послѣдствіи эта каланча была оставлена, потому что гарнизону не платили слѣдующаго ему жалованья; наконецъ она была разрушена невѣрными.

Сказанная Азовская рѣка течетъ, какъ было замѣчено, мимо соименной ей крѣпости и изливается въ тридцати миляхъ отъ ней въ море. Но берегамъ она мелководна, а потому фарватеръ означается вдѣланными въ нее сваями на протяженіи 18 миль вверхъ отъ устья. Тамъ, гдѣ эти сваи оканчиваются, товары выгружаются изъ приходящихъ кораблей и доставляются въ Азовъ на баркахъ. На этомъ водномъ пути корабли иногда добираются вдоль по Черкесскому берегу до Ак-Куюларъ. При сѣверномъ вѣтрѣ море удаляется вслѣдствіе отлива; при южномъ, вслѣдствіе сильнаго прилива далеко вторгается вверхъ по рѣкѣ, такъ что вода до самаго Азова становится соленоватою. Зимомъ все это пространство замерзаетъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ перѣбзжаютъ черезъ него повозками и караванами.

Правы и обычай Крымскихъ татаръ.

Татары эти средняго роста, широкоплечисты, имѣютъ толстую и короткую шею, большую голову и маленькія черныя глаза, въ конхъ жилы съ кровью ясно замѣчаются, тупой носъ и черные волосы. Они легко переносятъ стужу и зной и купаютъ дѣтей въ соленой водѣ, чтобы ихъ приучить къ переполненію холода. Уже съ 12 лѣтняго возраста дѣти начинаютъ упражняться въ военномъ ремеслѣ. Костюмъ ихъ состоитъ изъ двойнаго короткаго платья изъ мѣха лисьяго и колпака изъ хвоста того-же

животнаго и называемаго букъ. Нѣкоторые носятъ также баранія шубы мѣховою стороною наружу, что сообщаетъ имъ страшный видъ, въ особенности на лошади. Оружіями у нихъ служатъ дюжина стрѣлъ съ лукомъ, сабля и ножъ. Въ мѣшкѣ они возятъ съ собою ремень, чтобы связать плѣнныхъ и кричалю. Ихъ мурзы надѣваютъ желѣзные шлемы и такія же перчатки. Нѣкоторые вооружены также пиками, сдѣланными изъ вѣтвей древесныхъ съ желѣзнымъ остриемъ. Эти Татары чрезвычайно поворотливы. Каждый изъ нихъ ведетъ съ собою, смотря по средствамъ своимъ, 4 — 5 лошадей; если одна изъ нихъ уставала, то садится на другую. Лошади такимъ образомъ выучены, что всѣ прочія слѣдуютъ, если одна изъ нихъ трогается съ мѣста, или же останавливаются, если она останавливается. При томъ онѣ сильны и живы, хотя таковыми не кажутся, и бѣгаютъ такъ, что никто не можетъ ихъ догнать. Любимѣйшее кушанье Татаръ — конина, они также охотно ѣдятъ варенную кашу изъ муки и лошадиной крови. Въ походѣ они имѣютъ обыкновеніе приготовить мясо для кушанья, кладя его подъ чашракъ лошади, на которой ѣдятъ; когда это мясо становится такъ мягко, что изъ него начинаетъ истекать кровь, тогда его съѣдаютъ. Зажиточные Татары вмѣсто воды пьютъ лошадиное молоко, которое дѣлаютъ кислымъ въ теченіе двухъ дней примѣсю фермента. Питиокъ этотъ называется кумысъ. Они также охотники до «бузе» (родъ пива), безъ котораго именно не могутъ обойтись на свадьбахъ и празднествахъ. Изъ хлѣбныхъ растений сѣять въ Крыму рожь и ячмень; сарацинское пшено также посѣвается, и все это добывается въ большомъ количествѣ. Всѣ почти Крымскіе Татары суть ганафиты (правовѣрные магометане). Они оказываютъ большое почтеніе своимъ улемамъ и благочестивымъ мужамъ. Они имѣютъ особенное сословіе духовенства, отдѣленное отъ оттоманскаго, и особенныя учебныя заведенія (медресе). Софты (готовящіеся поступить въ званіе улемовъ) часто похищаютъ мальчиковъ у ихъ родителей, съ тѣмъ, чтобы ихъ обучать и приготовить въ законовѣды. Никто, въ подобныхъ случаяхъ, не требуетъ обратно своего сына. Новорожденнымъ дѣти безъ различія отдаются на попеченіе кормильцу (атапгъ), у котораго остаются до седьмаго или восьмаго года

отъ роду. Женщины у сего народа не закрываютъ лице вуалемъ. Въ праздникъ байрама молодымъ людямъ дозволяется цѣловать любую женщину и съ ней веселиться сколько угодно. Эготъ обычай называется у нихъ «колланмакъ». Тотъ, кто хочетъ жениться на дѣвицѣ, въ правѣ съ ней предварительно спать. Если-же она забеременеетъ, то уже не обязанъ на ней жениться. Дружьямъ, въ особенности чтпмымъ, предоставляется наслаждаться невольницей, или-же, если такой въ домѣ нѣтъ, дочерью и даже женою хозяйна. Если по призыву къ войнѣ Портою, самъ ханъ выступаетъ въ походъ, то не иначе, какъ съ 80.000 войскомъ Татаръ. Если же походъ совершается подъ начальствомъ калги, нурредина или-же сына хана, то контингентъ, который за нимъ слѣдуетъ, составляетъ только 40.000 человекъ. Въ лагерѣ дѣлаютъ музыку на литаврахъ и поднимаются съ него только послѣ начальника. Походы-же большею частью предпринимаются зимою, когда замерзшія воды способствуютъ переходу, между тѣмъ какъ невѣрные Русскіе и Поляки, въ это время года, не такъ удобно могутъ обороняться. Лошади Татаръ не имѣютъ подковъ. Татары медленно выступаютъ въ походъ, соблюдаютъ строго дисциплину и даже обыкновенную молитву пять разъ въ день. Когда-же возвращаются съ похода, то переходятъ, не останавливаясь, пять станцій вмѣсто одной и забываютъ призывъ къ молитвѣ (езанъ) и самую молитву. Съ быстротою облаковъ они тогда слѣзатъ вдоль по рѣчнымъ долинамъ, не разводя огня и не останавливаясь нигдѣ болѣе четверти часа. При первомъ знакѣ рожкомъ они снова стремятся далѣе на подобіе потоковъ. Во время грабежей или ночныхъ нападеній мурзы ихъ собираются на мѣстѣ, определенномъ для сбора добычи. Тутъ они, если не грезить опасность со стороны непріятели, отдыхаютъ трое сутокъ. На возвратномъ пути они маршируютъ тремя отдѣленіями. Первое везетъ съ собою добычу; за ней слѣдуютъ оба другія. При продажѣ невольниковъ они поступаютъ безчеловѣчнымъ образомъ и не знаютъ милосердія, отрываютъ дочь отъ матери, сына отъ отца и продаютъ ихъ отдѣльно. У Татаръ бываютъ особые кади, ханъ-же имѣетъ особаго «кадиаскера» (оберъ-аудиторъ). Всякій имѣетъ доступъ свободный къ хану и лично ему представляетъ свою жалобу. Мурзы

и начальники у нихъ не могутъ быть разжалованы, ибо должности ихъ наследственны. Сыновья ханскіе отправляются на воспитаніе въ землю Черкесовъ, откуда возвращаются домой только юношами. Сыновья умершихъ или изложенныхъ хановъ передаются подъ покровительство Порты, которая назначаетъ имъ жительство въ Ямболи или въ другихъ мѣстахъ. Нерѣдко имъ счастье такъ благопріятствуетъ, что они дѣлаются ханами вмѣсто отцевъ своихъ. Дочери хановъ также воспитываются внѣ дома родительскаго и, по достиженіи приличнаго возраста, выдаются замужъ за мурзовъ (11).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) По Мюнху (р. 120) крѣпость сія была построена при Магомедѣ IV во время двадцати-лѣтняго перемирія, заключеннаго съ Россією вслѣдствіе Чигирнской битвы.

(2) Авторъ здѣсь вѣроятно имѣлъ въ виду крѣпости, построенныя, по дѣяку Зотову (Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. II, 645) послѣ Чигирнской битвы, на Дибровскомъ островѣ «городки» Туганъ (ястребъ) и Хонбурунъ (счастливый) или же Таванъ и Осланъ, какъ эти городки названы книземъ Мышецкимъ (Ист. о Казак. Запор. Од. 1852, р. 12). Первый изъ нихъ, т. е. Таванъ или Туганъ, до нынѣ отчасти сохранившійся, находился насупротивъ «старога» городка Казикермана, т. е. нынѣшняго Берислава; городокъ-же Осланъ или Хонбурунъ, построенный на томъ-же островѣ, нынѣ раздѣленномъ на два острова непостоянствомъ теченія Дибра, находится противъ «старога» города Шанкермана, по Зотову, или Шингерее, по Мышецкому, т. е. противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки, гдѣ лучше всего можно справиться о томъ, не сохранились ли слѣды укрѣпленій на островѣ близъ мѣстечка лежащемъ.

(3) Авторъ говоритъ о взятіи Очакова Русскими въ 1737 году. Подробности объ этомъ подвигѣ изложены, между прочимъ, въ Запискахъ Манштейна, изъ коихъ явствуетъ, что уже тогда городъ былъ хорошо укрѣпленъ. Таковымъ его тоже застали еще прежде спутники Карла XII, посѣтившіе его въ бѣгствѣ своемъ съ береговъ Буга къ Дибстру. По Мюнху (р. 120) укрѣпленія Очакова построены были при Магомедѣ IV; кажется однако, что онъ ихъ развѣ только возстановилъ, послѣку еще прежде наши и иностранные писатели упоминаютъ объ укрѣпленіяхъ Очакова, напр. Броновій, который его смѣшиваетъ съ Ольвиею и Михайлъ Литвинъ, по которому онъ также назывался *Dassowa*, т. е. Дашковъ, какъ онъ названъ въ договорѣ, заключенномъ въ Луцкѣ, въ 1431 году, между Владиславомъ II и Свирригайлою (*Danulowicz, Skarb. Dipl. I, 123*); или же Дашовъ, какъ его имя пишется въ спискѣ замковъ, уступленныхъ ханомъ Крымскимъ Сягизмунду I, въ 913 г. по смерти Магомета (Сборникъ князя Оболенскаго, № I, 88).

На компасовыхъ картахъ XIV и XV столѣтій представляетъ

ся намъ около мѣстности Очакова приписка p. de bo, de novo, de lovo, вѣроятно вмѣсто p. de lucco, какъ считается на картѣ 1367 года, т. е. вмѣсто p. de l'Oso или Ousou, или Дитира, который подъ этимъ именемъ уже былъ извѣстенъ Абуль-Фадъ.

Въ древности, въ той же самой мѣстности находилась, какъ думаютъ, крѣпостца Алектора, упомянутая впрочемъ однимъ только Діономъ Хрисостомомъ.

(4) По Мюниху (I. с. 184) таково было какъ разъ протяженіе не перешейка, но выкопаннаго на немъ рва, образовавшаго двѣ стороны угла, изъ коихъ одна, направленная къ Азовскому морю, имѣла 7 в-рствъ, а другая 3.

За тѣмъ авторъ дневника сообщаетъ намъ еще слѣдующія подробности объ этой мѣстности:

«Въ углѣ, гдѣ сходятся обѣ стороны «лѣвнѣ», стоятъ врата, составляющія единственный входъ острова. Онѣ построены изъ камня и снабжены пушками. Возлѣ нихъ стоитъ крѣпость Орѣкапи, а къ востоку, на длинной сторонѣ, пять башенъ; на короткой же сторонѣ, къ западу, двѣ башни изъ камня, снабженныя пушками... Линія состоитъ изъ сухаго рва, выкопаннаго перпендикулярно на глубинѣ отъ 12 — 15 сажень: земля, выброшенная изъ него на обѣ стороны, возвысила почву надъ естественнымъ ея уровнемъ. Впрочемъ ровъ этотъ не такъ глубокъ, чтобы вода, съ обѣихъ сторонъ, могла въ него втевать и его наполнить, и должно думать, что онъ не былъ выкопанъ съ тѣмъ, чтобы отрѣзать островъ совершенно отъ твердой земли: вѣроятно опасались также наводнить островъ, такъ какъ онъ болѣе и болѣе понижается къ югу. Нѣкоторые географы, воображая, что этотъ перешеекъ уже и длиннѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, полагали, что почва его песчаная, а по сему самому удивлялись, почему съ давнихъ поръ не послѣдовало слаганіе обонхъ морей. Но такъ какъ почва глиниста и слѣдовательно, по природѣ своей, противустойтъ водѣ, то волны обонхъ морей все болѣе и болѣе выбрасываютъ песокъ, камышъ, илъ, раковинки и т. п. и тѣмъ не только возвышаютъ почву, но еще дѣлаютъ перешеекъ все болѣе широкимъ противъ прежняго, какъ это можно усмотрѣть изъ различныхъ наносовъ. Кажется также, что вода обонхъ морей никогда до такой степени не поднимается вѣтрами, чтобы волны могли далеко покрыть перешеекъ, тѣмъ болѣе, что когда при сильнѣмъ вѣтрѣ душемъ съ С. З. С., вода изъ залива Чернаго моря стрѣмится въ перешеекъ, тогда же оттуда удаляется вода Гнилаго моря, и что противное явленіе совершается при С. С. В. С. вѣтрѣ. Поелвку же оба никогда не поднимаются въ одно и то же время, то и не могутъ славаться, что однако случилось бы,

если посредствомъ труда и искусства, превышающаго способности Турокъ и Татаръ, Перекоскій ровъ бы-бы взрытъ до такой глубины, что основаніе его становилъ бы параллельнымъ съ основаніемъ обонхъ заливовъ, что, какъ говорятъ, пытались уже сдѣлать древніе Скифы, обитавшіе въ этихъ мѣстахъ до и послѣ Рожд. Хр.

Крѣпость Оръ-капи продолговатый четырехугольникъ, всего стѣны съ четырьмя узкими двойными бастіонами построены въ плиты. По древне-итальянской архитектурѣ, нѣкоторымъ башнямъ и находившимся въ нихъ замкамъ, должно думать, что крѣпость эта бы а построена Генуэзцами, владѣвшими Крымскомъ полуостровомъ, даннымъ имъ греческими императорами. Въ ней одиѣ только врата на южной сторонѣ, направленной къ острову, и 600 небольшихъ жалкихъ домовъ, которыми улицы до такой степени суживаются, что на нихъ едва можно проѣзжать повзкою. Подобно всемъ крѣпостямъ Крымскимъ она имѣла гарнизонъ не татарскій, но турецкій, и находился въ ней, и въ башняхъ lining, при прибытіи войска, болѣе 4.000 яничаръ и снаги, тогда какъ вся татарская орда стояла за линією.

(5) Авторъ здѣсь говоритъ о вѣстии Перекоска, 21 мая 1736 г., по капитуляціи, заключенной на канѣ къ ммендантомъ Шбрагимъ-га съ фельдмаршаломъ Мюнхомъ. «Замѣчательно при семъ — сказано въ дневникѣ. — что онъ пять недѣль прежде письменно донесъ Ея Величеству Императрицѣ, что надѣется собщить ей радостное извѣстіе изъ Перекоска 20 мая и что онъ дѣйствительно вечеромъ того дня отпраивтъ своего генераль-адъютанта Фрочера въ С.-Петербургу по сему случаю.

Это было дѣло (coup) чрезвычайно важное и патлвлавшее тѣмъ болѣе шуму (claf), что со времеъ владычества Татаръ надъ Крымомъ фельдмаршалъ Мюнхъ первый ввелъ туда непріятельское войско и тѣмъ привелъ въ трепеть Порту, поелику въ нѣсколько дней можно было пробраться моремъ въ Константинополь, почему и русскій резидентъ Вишняковъ доносилъ, что въ разбѣжались бы изъ Константинополя, еслибы хоть одинъ русскій корабль могъ явиться въ канѣ.

Еще значительнѣе былъ страхъ въ саяомъ Крыму. Кто только имѣлъ что-нибудь, забралъ то, что могъ взять съ собою и бѣжать къ гавани; пріе же гавани жель, дѣ ей и ровъ своихъ въ горы. Хать самъ послать жель и дѣтей съ ея ронцами своими въ Блатану, гдѣ былъ старожитъ корабль, на которомъ, въ крайнѣмъ случаѣ, могъ спастись.

(6) Вѣстие и рзрушеніе Балчсарая послѣдовало не въ 1737 году, но 17 іюля предыдущаго года.

«Бакчисарай», говорится въ приведенномъ дневникѣ (I. с. 220) — тянется, въ видѣ длинной улицы, съ З. къ В. между скалами и утесами, въ глубокой низи́нности, такъ что городъ вовсе не замѣчается, пока не дойдешь до вышеупомянутого (219) ущелья, пробитаго въ скалѣ. Городъ состоитъ изъ 3,000, порядочно выстроенныхъ, каменныхъ домовъ, въ томъ числѣ и дворецъ ханскій, о которомъ можно сказать, что онъ безъ сомнѣнiя уступаетъ немногимъ только, если не великолѣпнѣе, то изящнѣе видѣмъ (progrésé) своимъ, какъ можно усмотрѣть изъ приложеннаго описанiя, составленнаго капитаномъ Маунштейномъ, по порученiю фельдмаршала Мюнixa.

Въ XVIII томѣ журнала: Neue Europaische Fauna (458 — 464) помѣщенъ, въ пѣмецкомъ переводѣ, отрывокъ сего приложенiя; въ неизвѣстности былъ-ли этотъ отрывокъ когда-либо изданъ также на русскомъ языкѣ, я рѣшаюсь представить здѣсь переводъ *всего* французскаго оригинала:

«Городъ Бакчисарай, резиденцiя хана, лежитъ въ глубокой, весьма узкой долинѣ среди скалъ. Верхняя часть города раздѣлена на двѣ части, изъ коихъ первая была населена христианами различнаго происхожденiя и вѣроисповѣданiя, въ особенности-же Армянами и Греками, которые тамъ имѣли даже церковь; но она была разрушена Татарами, когда мы приближались.

Другая, большая часть города, населена Татарами. Здѣсь-же находятся ханскiй дворецъ.

Въѣзжаютъ въ городъ одними только крутыми, изсѣченными въ скалѣ дорогами, за исключенiемъ западной стороны, гдѣ, въ большой долинѣ, находится предмѣстье, чрезъ которое мы шли въ Бакчисарай.

Прежде чѣмъ войти въ большой дворъ ханскаго дворца, пришлось намъ перейти чрезъ каменный мостъ, наведенный надъ довольно глубокииъ ручьемъ, который протекаетъ мимо дворца.

Дворъ этотъ довольно великъ и окруженъ былъ разными зданiями, которыя, сколько я могъ еще узнать, были построены и расположены слѣдующимъ образомъ:

За большими воротами стоялъ на правой сторонѣ старый дворецъ, въ которомъ ханы вѣкогда обитали; за большими стѣнками слѣдовала въ этомъ дворцѣ большая зала съ бассейномъ въ срединѣ. Оттуда лѣстница вела въ бель-э ажъ, гдѣ также представлялась зала. Полъ въ ней былъ покрытъ весьма опрятными циновками, а потолокъ выдѣланъ мозаикомъ золотымъ и голубымъ. Правая сторона этой залы оканчивалась ажковомъ съ эстрадаю на ступень высоты; на противной сторонѣ была открытая галлерей въ сажень ширины и четырьмя футами выше пар-

кета залы. Въсто обоевъ стѣны были покрыты разноцвѣтными фарфоромъ. Изъ оконъ, составившихъ два ряда, верхнія имѣли большія разноцвѣтныя стекла. Нижнія окна были велики, но въсто стеколы имѣли ставни, въ видѣ рѣшетокъ, изъ панасоваго лѣса, что сообщало залѣ холодный видъ. Возлѣ ней была большая комната, подобнымъ образомъ убранныя. Изъ оконъ видна была нижняя зала, а съ другой стороны слѣдовали разныя комнаты совершенно пустыя.

Вѣдшая сторона дворца была окрашена красными полосами на угловыхъ камняхъ, стоявшихъ одни отъ другихъ на полѣ футъ, что представляло весьма пріятный видъ.

На этомъ-же дворѣ былъ другой домъ съ большими лѣстницами, гдѣ въ родѣ стѣны была устроена балюстрада съ столбами для поддержки крыши, которая сунулась впередъ на 5 или 6 футовъ, по китайскому манеру, для защиты противъ лучей солнца. Весь этотъ домъ также былъ раскрашенъ въ видѣ мозаика.

Изъ этого дома калитка вела на другой дворъ, гдѣ лѣвая стѣна была весьма хорошо раскрашена въ видѣ бѣлаго мрамора, съ правой-же стороны предъ авлялись садъ и новый ханскій дворецъ, къ которому вели большія лѣстницы, и первый предметъ, пріятно тамъ поражавшій зрителя, былъ бассейнъ изъ бѣлаго мрамора, съ павильономъ съ четырьмя подобными ему меньшими въ срединѣ, и который чрезъ разныя краны извергалъ воду въ бассейнъ.

Полъ былъ также и крытъ весьма чистыми циновками, а потолокъ раскрашенъ мозаикомъ краснымъ и золотымъ. Средняя часть залы была подъ сводомъ, та же весьма хорошо обдѣланомъ. Кругомъ залы были скамьи на вышину фута отъ пола, при ширинѣ четырехъ футовъ. Коры, къ которымъ эти скамьи покрывались, были съ нихъ сняты до нашего прибытія. На правой сторонѣ этого дворца были разныя весьма чистыя покои, полъ и потолокъ были украшены на подобіе алы, и окна были съ рѣшетками, подобно вышеупомянутымъ окнамъ большой залы стараго дворца. Съ лѣвой стороны была одна только довольно большая комната съ каминомъ. Окна, обращенныя къ саду, были съ стеклами. Кругомъ сего дворца была устроена крытая галлерія съ поддерживаемою столбами крышею. Ниже сего дворца, вдоль стѣны, были мѣсто фонтаны, изливающіе воду въ столько-же мраморныхъ бассейновъ.

Между обими дворцами были еще разныя постройки, въ числѣ коихъ, самая замѣчательная, была находившійся близъ новаго дворца сераль. Въ немъ, въ числѣ другихъ комнатъ, была и жемская купальня; въ нее вели большія стѣны, въ срединѣ которыхъ

былъ большой мраморный бассейн въ два съ половиной фута глубины и въ полторы сажени въ діаметрѣ: фонтанъ снабжалъ эту ванну водою, которая оттуда уже текла въ купальню, вокругъ которъй были фонтаны, мраморныя ванны и нѣсколько отдѣльных кабинетовъ, каждый съ фонтаномъ и бассейномъ изъ бѣлаго мрамора подъ нпмъ. Потовая баня грѣлась снизу, такъ что можно было давать ей желаемую степень жара и желаемое количество воды. Купальни эти всѣ подъ сводами, и освѣщаются сверху посредствомъ оконъ, вѣдланныхъ на сводѣ въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго.

Не далеко отъ перваго двора хана была другая купальня, также украшенная мраморомъ: но она была только устроена для одной особы.

Всѣ эти различныя зданія были окружены садами и фонтанами съ свѣжою и свѣтлою водою, приводимой съ сосѣдственныхъ горъ.

Вдоль по лѣвой сторонѣ большого дворца были комнаты, изъ коихъ половина была назначена для рабовъ ханскихъ, и среди этихъ различныхъ зданій былъ небольшой дворъ, заключавшій въ себѣ двѣ мечети со сводами, крытыя свинцомъ и заключавшія въ себѣ гробницы хановъ. За дворомъ этимъ находится главный входъ (portail) ведущій, къ лежащей на южной покатости горы, рощицѣ.

Противъ этого входа у подошвы горы — разныя жилища, за которыми находилась бесѣдка со многими кабинетами съ рѣшетками весьма изящными и хорошо выдѣланными изъ кампасолаго дерева. Въ пятидесяти шагахъ отъ этой бесѣдки былъ каменный домъ, заключавшій въ себѣ резервуаръ воды, т. е. каменный бассейнъ въ четырехъ или пяти саженихъ въ квадратѣ, въ который были проведены воды съ горъ. Этотъ бассейнъ былъ съ крышею, дабы солнечный зной не могъ туда проникнуть, и имѣлъ одно только окно. Со стороны дворца была еще комната, въ которую проведены были изъ бассейна пять большихъ крановъ, имѣя каждый по дюймъ въ діаметрѣ и связанныя съ столькими же подземными трубами, чрезъ которыя вода распределялась по всему дворцу.

Большая купальня хана находилась возлѣ стараго дворца и входъ въ нее былъ именно подъ жилищемъ на правой рукѣ: За входомъ слѣдовала большая зала, съ скамьями кругомъ, изъ бѣлаго мрамора. Оттуда входили въ потовыя бани, также съ мраморнымъ паркетомъ, и разными кабинетами на сводахъ. Вода туда вливалась чрезъ краны и падала въ мраморныя бассейны. Бани эти топились снизу подобно новымъ, вышеприведеннымъ.

Противъ втораго стараго дворца большаго двора находились ханскія конюшни. Зданіе это было мурованное и имѣло пятьнадцать саж. длины при пяти ширины.

Поль не былъ вымощенъ, но мѣсто каждой лошади было покато. Ясли, подобно столбамъ между лошадьми, были каменные.

Городскіе дома, числомъ около двухъ или трехъ тысячъ были довольно хорошо построены и всѣ почти мурованы. Изъ нихъ, примѣрно, четвертая часть была сожжена.

Въ Бакчисараѣ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ въ особенности жалѣть именно о томъ, что большая часть замѣчательной библиотеки, принадлежавшей тамошней іезуитской мисси была или сожжена или же зтощена виномъ, такъ какъ іезуиты, которые при нашемъ приближеніи обратились въ бѣгство, предварительно спрятали часть книгъ и рукописей въ погребъ, въ которомъ вошедшіе туда козакъ, напившись шапками, вылили вино.

(7) Городъ этотъ былъ взятъ русскимъ войскомъ 5 іюня 1736 года безъ всякаго сопротивленія. Сказавъ, по недомнѣнію, что въ немъ послѣдовало крещеніе Св. Владимира, авторъ дневника продолжаетъ: — Городъ этотъ, названный Турками и Татарами Кѣзлеве, имѣлъ болѣе 5000 каменныхъ домовъ, множество мечетей и церквей и лежитъ въ видѣ амфитеатра при отличномъ портѣ. Самое значительное и красивое зданіе въ городѣ была большая каменная мечеть, убранныя внутри многими колоннами и пилластрами изъ бѣлаго мрамора и украшенная куполомъ, крытымъ свинцомъ. Она прежде была греческая церковь, построенная, судя по характеру архитектуры, во время Константина Великаго или вскорѣ спустя. Городъ былъ окруженъ съ сухопутной стороны высокою стѣною съ четырехугольными башнями и рвомъ, вырытымъ въ скалѣ; за городомъ-же были фруктовые сады и дачи..... О богатствѣ жителей, 500 лѣтъ невидавшихъ непріятели, можно было судить по добычѣ, которая была такъ значительна, что войско не могло всего увести съ собою, а потому многое было сожжено или оставлено подъ развалинами домовъ.

(8) Къ чести автора должно думать, что ему лично не случалось побывать на южномъ берегу Тавриды, который, впрочемъ, своею красотою не поражалъ-бы въ такій степени какъ насъ, — человекъка, имѣвшаго возможность любоваться до сыта пѣвнтельными видами Воснора Фракійскаго.

Графъ Мюнхъ, который, во время своего перехода изъ Вепаторіи въ Бакчисарай, видѣлъ только сѣверный склонъ Крымскихъ горъ, отзываясь о нихъ слѣдующимъ образомъ:

«На лѣвой сторонѣ къ юго-востоку прелегаетъ огромная гора, которая, ради вида своего названа была Русскими Палатка-гора; она

такъ высоко поднимается надъ прочими горами, что ее можно видѣть почти на всемъ полу-островѣ. У подошвы ея начинается другая низшая цѣпь, простирающаяся до Каффы. На ней невольники, которые туда въ старину переводились въ большомъ числѣ изъ Венгрии, разводили много винъ градинокъ, содержимыхъ теперь, такъ какъ большая часть сказанныхъ Венгровъ погибла въ 1704 году отъ чумы, — Греками и Армянами, посланку Турки и Татары, хотя и садятъ лозы и за ними см. трять, и также вѣдятъ свѣжій и сушеный виноградъ, тѣмъ не менѣе продаютъ сборъ его христіанамъ, которые и перевозятъ вино въ Украину, гдѣ его частью продаютъ за наличныя деньги, частью же меняютъ на масло, водку и другіе русскіе товары. Между обыкновенными четырьмя сортами краснаго и бѣлаго Крымскаго вина, лучшій, собираемый при деревнѣ Судакъ и называемый Судацкимъ, по вкусу и по цвѣту подходитъ на хорошее Мейссенское вино».

(9) *Vorgebirge der Strömung*, т. е. Мысъ теченія, переводятъ г. Шлехта. Но это явно вымышленный мысъ Акъ-Бурунъ или Бѣлый мысъ, который еще на Итальянскихъ картахъ XIV и слѣдующихъ вѣковъ является подъ наименованіемъ *aspromiti*, вымышленнымъ тоже самое значеніе. По этому кажется, что въ нашей турецкой рукописи мысъ этотъ ошибочно названъ Аквиди бурну, вмѣсто Акбурунъ.

(10) Въ дневникѣ фельдмаршала Мюнха (р. 122) сказано, что эта крѣпость была построена въ 1706 году, а что предъ нею была тогда же построена «*ryttle-fortne*» въ видѣ, до такой степени съуживавшая фарватеръ (по причинѣ камышекатаго противуположнаго берега), что въ немъ, въ подлежащей глубинѣ, было мѣсто для одного только корабля.

«Вся эта предосторожность» говорится далѣе «мало принесла-бы пользы, если императоръ Петръ I, при возобновленіи, въ 1711 году, войны съ Портою по случаю пребыванія короля Карла XII въ Бендерахъ и вслѣдствіе интригъ Крымскаго хана, — направилъ-бы свои силы къ Черному морю и не отправился бы чрезъ Днѣстръ къ Дунаю съ сорокатысячнымъ войскомъ безъ провіанта, въ надеждѣ, въ немъ возбужденной увѣреніями Молдавскаго господари Кантемира, что тамъ найдетъ магазины и достаточное количество съѣстныхъ припасовъ.

Всѣмъ извѣстно, что этотъ столь дальновидный монархъ, такимъ образомъ впалъ въ ту-же ошибку, которая въ войнѣ съ нимъ-же оказалась, два года передъ тѣмъ, столь паубкою для Карла XII, и что онъ до такой степени былъ стѣсненъ Турками, что ему пришлось-бы или сдаться безусловно, или-же рисковать судьбу своего государства, если-бы алмазы и червонцы не дѣй-

ствовал такъ сильно на великаго визиря Балтаджи Могаммеда, что онъ согласился съ нимъ заключить миръ на условіяхъ, хотя и весьма выгодныхъ для Гоцты, но тѣмъ не менѣе не искоренившихъ зло на будущее время, такъ какъ три первые и главные его пункты состояли въ томъ, что Императоръ долженъ былъ возвратитъ Азовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ его засталъ при завоеваніи его; срыть Таганрогъ и крѣпости Каменный Затонъ и Самару и не тревожить козаковъ, состоявшихъ подъ Польшею и ханомъ татарскимъ. Онъ выполнилъ всѣ эти условія, хотя ему совѣтовали, оставить на произволъ судьбы аманатовъ Шафрова и Шеремъ тьева, и хотя онъ въ особенности жалѣлъ о Таганрогѣ и Азовѣ, котъ рья между тѣмъ были мужественно обороняемы противъ Турецкаго флота старымъ великимъ адмираломъ Апраксинымъ, два раза загонявшимъ съ частью Таганрогскаго гарнизона вышедшихъ Турокъ на свои корабли, но и принужденнымъ, во исполненіе приказанія въ третій разъ повторяемаго Императоромъ, по возможности разорить и оставить сказанныя крѣпости, что его огорчило до слезъ.

Нѣкоторые изъ неходившихся въ гаваняхъ корабли были такъ велики, что ихъ нельзя было оттуда вынести вверхъ по Дону, а потому ихъ предлагали Туркамъ, которые однако не хотѣли ихъ купить, но оставляли ихъ изгнить въ гавани. При этомъ случаѣ капитанъ русскаго корабля, Англичанинъ, по имени Симонъ, изъ упрямства не хотѣлъ никакъ снять такелажъ и оставить свой хорошо экипированный и не слишкомъ глубоко ходившій корабль, а потому, пользуясь тѣмъ, что поднялась вода и что началъ дуть благопріятный вѣтеръ, отплылъ изъ гавани на всѣхъ парусахъ, а за тѣмъ мимо турецкаго флота, стоявшаго подъ Визкале, чрезъ Константинопольскій каналъ, объ Дарданеллы и Археллагъ въ Средиземное море, и прибылъ, объѣхавъ такимъ образомъ всю Европу, въ первые дни четвертаго мѣсяца, по выѣздѣ своемъ, благополучно въ Кронштадтъ и С.-Петербургъ, причемъ имѣлъ смѣлость и удовольствіе, въ виду Сераля съ корабля своего дать два залпа, тѣмъ привелъ въ трепетъ султана и весь Константинополь.

(11) Хотя турецкій авторъ ничего не говоритъ о крымскомъ городѣ Карасу-Базарѣ, тѣмъ не менѣе ясно, что послѣдній не имѣлъ бы ничего общаго, кромѣ имени, съ Мангупомъ, если-бы дѣйствительно крѣпость эта называлась Карасу, что мы не въ правъ отрицать потому только, что другіе авторы, намъ извѣстные, объ этомъ имени его не упоминаютъ. Впрочемъ въ географическомъ сочиненіи военскаго митрополита Мелетія (+1714) говорится о поддасной крымскому хану *крѣпости Карасуи*,

подъ которой скорѣи могъ разумѣть Мангупъ, нежели Карасу-базаръ, такъ какъ онъ полагалъ, что крѣпость эта находилась на морскомъ берегу, куда современникъ его Витсенъ также помѣщаетъ Мангупъ (cf. Кенпенъ, Крымскій Сборникъ, прим. 366 и 429). Недалеко отъ этой древней крѣпости беретъ свое начало рѣка Казыклей, нынѣ обыкновенно называемая *Черною*, что и заставляетъ думать, что она нѣкогда у Татаръ называлась Карасу и что имя сіе могло быть перенесено отъ ней къ Мангупу, подобно тому, какъ городъ Карасу-базаръ обязанъ своимъ названіемъ другой рѣкѣ того-же имени его орошающей. Также могло статься, что Греки въ старину подъ именемъ *Μαύρον-καστρον* разумѣли скорѣи Мангупъ, чѣмъ Карасу-базаръ, какъ гоноритъ Тунманъ (Büsching, Erdbeschrg. изд. 1784, IV, 348), прибавляя, что еще въ началѣ XIV столѣтія францискане имѣли монастырь въ Мавронъ-Баструнѣ.

(12) Не имѣя подъ рукою никакой подробной исторіи Тамерлана, не могу сказать, говорится ли въ нихъ о подобной хитрости его, напоминающей способъ, которымъ городъ Коростень былъ взятъ Ольгою. Достоверно то, что Тамерланъ, по разрушеніи Азова, обратился противъ Черкесовъ и что жилища сихъ послѣднихъ въ тѣ времена простирались до окрестностей Азова. Но этому сирашивается, не была-ли крѣпость Гирсова или Хирсова, отстоявшая въ двухъ почтахъ отъ Азова, тождественна съ черкесскою крѣпостью Курлятъ, взятой Тамерланомъ послѣ долгой осады въ 1396 году, по свидѣтельству барона Гаммера. Въ сожалѣнію баронъ ничего не говоритъ о мѣстоположеніи этой крѣпости и тѣмъ лишаетъ насъ возможности опредѣлить степень вѣроятности ея тождества съ Гирсовою нашего автора.

(13) Овладевши предварительно т. н. Каланчами при устьѣ Дона и крѣпостью Лютикомъ на островѣ при Мертвомъ Донѣ, графъ Мюнхъ приступилъ было къ осадѣ Азова 24 марта, но въ этотъ-же самый день передалъ начальство генералу Левашеву, въ необходимости возвратиться къ Днѣпровской арміи; но и Левашевъ въ свою очередь долженъ былъ скорѣ сдать начальство фельдмаршалу Ласси, и въ этихъ перемѣнахъ заключалась, по мнѣнію графа Мюнха, главная причина, по которой крѣпость была взята не ранѣе 1 іюля. «Ибо хотя», говоритъ онъ (р. 170) — «Левашевъ старый и опытный генералъ, который, въ особенности въ послѣднихъ годахъ, столь-же хорошо сражался въ Персіи, какъ умѣлъ тамъ наполнить деньгами свои сундуки, но онъ мало свѣдущъ по части инженерной, и, принимая во вниманіе небольшое число войскъ, ему оставленныхъ фельдмаршаломъ, не подступилъ ближе къ городу и тѣмъ снова ободрилъ непріятеля.

Въ тому еще могло содѣйствовать, что Левашевъ, узнавъ, что не ему самому, но призванному обратно изъ Моравиіи новому фельдмаршалу Ласси, предназначалась честь поднести императрицѣ ключи Азова, не слишкомъ былъ расположенъ подвергаться опасности въ пользу другаго».

«За тѣмъ» читаемъ въ другомъ мѣстѣ (222) «фельдмаршалъ Ласси, какъ извѣстно, не инженеръ, а по сему самому болѣе способенъ командовать войскомъ въ полѣ, нежели вести осаду. Пятая, по сей именно причинѣ, чрезмѣрную довѣренность въ искусство своего генералъ-квартирмейстера де-Брини, младшаго изъ состоявшихъ въ русской службѣ двухъ братьевъ, который тѣмъ болѣе ожидалъ для себя со временемъ чести отъ этой осады, если-бы она была ведена по собственнымъ его понятіямъ и изобрѣтеніямъ—Ласси согласился отиѣнить планъ, хотя онъ формально былъ составленъ имъ и графомъ Мюнхоу въ время вышеупомянутого ихъ свиданія въ Чарцынкѣ (171) и даже одобренъ С.-Петербургскимъ дворомъ. Хотя подъ благо рода измѣненія легко могутъ быть извиняемы всегда обстоятельствами, которыя на дѣлѣ являются часто не такими, какими они могли показаться, тѣмъ не менѣе оставалось не мало указаній, что въ приведенномъ планѣ заключался лучшій и ближайшій путь. Правда, что большое замедленіе произошло и отъ того, что многіе пушки полевой артиллеріи въ дѣлѣ лопнули, и что поэтому осада не могла быть двинута впередъ съ одинаковою силою. Это обстоятельство подаило поводъ къ особой переплскѣ между графомъ Остерманомъ и фельдмаршаломъ Мюнхоу. Первый, увѣдомленный Лассиемъ объ этой неприятности (*fatal tät*), не замедливъ постыжать ее въ вину графу Мюнхоу по той причинѣ, что онъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ въ то время, когда новыя пушки были лѣты, и слѣдовательно долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы работа эта производилась лучше. Но графъ Остерманъ забылъ, что дѣло касалось тѣхъ именно пушекъ, которыя для этой войны были доставлены адмиралтействомъ въ С.-Петербургъ. Поелику же оно составляетъ особенное вѣдомство и имѣетъ главный надзоръ надъ работами тамъ производимыми, то графу Мюнхоу представлялась пріятная возможность (*satisfaction*), обратить на него обвиненіе въ нерадѣніи и худомъ надзорѣ».

Для фельдмаршала Мюнхоу медленность осады Азова была тѣмъ неприятиѣ, что заставила его отказаться отъ своего плана предпринять второй походъ въ Крымъ изъ Перекопа, куда онъ принужденъ былъ на время возвратиться изъ Бакчисарая по причинѣ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и въ лошадяхъ. Прибывшій туда 6-го іюля, онъ тамъ остался до 26, въ надеждѣ, что удастся

ли ему все еще предпринять предполагаемую вторую экспедицію. «Дѣйствительно», говоритъ онъ (227) «прибыли къ нему для подкрѣпленія полковникъ фонъ-Веделъ съ 5 драгунскими полками и генералъ Аракіевъ съ 2 полками пѣхоты, но прочія препятствія уже оказались непреодолимыми. Хотя и не выдавъ было болѣе непріятельскаго войска, но за то Татары продолжали постоянно скитаться около арміи и вредить ей частными нападеніями. Замѣтили именно, что около Молочныхъ водъ, въ направленіи къ Азову, они перебирались тайными бродами ч-резъ Гинлое море. По этому генералъ-фельдмаршалъ отрядилъ въ ту сторону для рекогносцировки генерала Шпигеля съ 5 полками и 2000 козаками.

Подъ вѣдому какъ карты сего края оказались вобщемъ весьма ошибочными, такъ и обнаружилось, что приведенный проходъ отстоялъ отъ Перекопа въ большемъ разстояніи, чѣмъ графъ Мюнхъ воображалъ.

Когда онъ по этому не получалъ извѣстій отъ сказаннаго отряда въ предполагаемомъ имъ времени, а дѣла между тѣмъ приняли такой оборотъ, что онъ далѣе не могъ оставаться въ Перекопѣ, то онъ, по неволѣ, долженъ былъ оставить этотъ отрядъ на произволь судьбы.

Одно только, что онъ еще могъ сдѣлать, въ его пользу, было, что онъ отправилъ къ нему полковника Штобмана съ нѣсколькими сотнями человекъ, которые дѣйствительно успѣли перебраться до генерала Шпигеля.

Не подлежатъ сомнѣнію, что Татары, если-бы только поняли въ чемъ дѣло и имѣли болѣе мужества, могли-бы окружить и уничтожить этотъ корпусъ. Они хотя и показались нѣсколько разъ, но генералъ Шпигель такъ хорошо распорядился, что успѣлъ пробраться стороною чрезъ степь и чрезъ Бахмутъ снова прибылъ къ главной арміи. Экспедиція эта принесла при томъ ту пользу, что при ней открытъ былъ извѣстный однимъ Татарамъ бродъ чрезъ Гинлое море, чрезъ которое русское войско подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала Ласси въ слѣдующемъ походѣ пришло въ Крымъ».

Ясно, что здѣсь говорится о проливѣ Геническомъ, соединяющемъ Азовское море съ Сивашемъ, и что г. Спасскій (Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др. II, 275) ошибается, когда говоритъ, что чрезъ него Русскими были совершены два похода *подъ предводительствомъ генерала графа Ласси въ 1737 и 1738 годахъ*, вѣсто того, чтобы сказать, что эти походы состоялись въ 1736 и 1737 годахъ, и что первый изъ нихъ «съ Арабатской стрѣлки» былъ предпринятъ не Лассіемъ, но независимымъ отъ него генераломъ Шпигелемъ.

(14) Въ этихъ подробностяхъ прибавимъ здѣсь то, что намъ о «Брымскихъ дѣлахъ» передаетъ графъ Мюнхъ со словъ французскаго консула Адама Эворки, уроженца венгерскаго и польскаго дворянина Андр-я Буковскаго, которые прибѣгли подъ его покровительство по взятіи Бакчисарая:

«Консулъ донесъ, что онъ когда-то былъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Когда-же его начальникъ князь Рагози скончался въ 1735 году въ Константинополѣ, исправляющій тамъ должность Французскаго посланника, г. де Невиль, назначивъ его консуломъ у татарскаго хана, отправилъ въ Крымъ на мѣсто прежняго тамошняго консула, капитана Тота, призваннаго обратно во Францію. Ему въ особенности было поручено пешихъ за французскихъ католическихъ миссіонеровъ и вообще о послѣдователяхъ католической вѣры и прочихъ христіанахъ обитавшихъ въ Крыму, заботясь о томъ, чтобы ихъ не угнетали и не помѣшали имъ отправлять свою вѣру. По его словамъ онъ былъ въ Перекопѣ еще на канунѣ подступленія русскаго войска, а за тѣмъ отправился въ Бакчисарай. Когда же по переходѣ (Русскихъ) чрезъ линію, ханъ, который съ войскомъ своимъ посѣдилъ къ рѣкѣ Альмѣ, его прѣзвалъ туда-же, онъ тѣмъ легче могъ извиниться, что ногайскіе Татары взяли у него шипажъ и лошади и что притомъ у него не доставало провіанта. Видѣвъ съ г. Буковскимъ онъ, напротивъ того, отправился къ христіанамъ, которые съ семействами убрались въ горы въ окрестностяхъ Бакчисарая. Когда ханъ (говорилъ онъ) выступилъ на встрѣчу русскимъ вѣдъ линію, то у него было не только 200,000 человекъ войска, но его всячески подстрѣкали къ войнѣ и вышъ-приведенными подарками (шуба соболья и турбанъ богато украшенный алмазами ср. р. 186). Хотя послѣ отступленія отъ Перекопа собранъ былъ большой военный совѣтъ, но на немъ ничего или весьма мало было рѣшено, поелику всѣ согласились, что Русскіе уже не были такіе, какъ прежде, когда сотня изъ нихъ бѣжала предъ однимъ Татаринномъ. Ханъ по имени Капланъ-Герай, имѣя отроду 64 года, былъ, по словамъ консула, парализованъ въ рукахъ и ногахъ и уже два раза лишился мѣста, будучи постоянно несчастливъ въ своихъ предпріятіяхъ. Знатные-же Татары раздѣлялись на четыре класса; а именно:

- 1) Султаны, принадлежавшіе къ ханскому семейству и занимавшіе высшіе должности.
- 2) Шеремъ бей, князь.
- 3) Шеремъ-мурзы и
- 4) Мурзы, тѣ и другіе, просто дворяне.

Изъ числа султановъ первымъ считается Балга-султанъ, сынъ брата приведеннаго хана. Имѣя въ виду, что онъ начальникъ

войска, его можно было сравнивать съ польскимъ гетманомъ короннымъ, съ тѣмъ только различіемъ, что калга слѣдуетъ непосредственно за ханомъ, и что сему послѣднему никто изъ султановъ, не бывъ предварительно Балгою, не можетъ наследовать. За Балгою слѣдуетъ султанъ Нуррединъ, подъполковонецъ и султанъ Орбей или Оркани, который можетъ быть сравниваемъ съ польскимъ короннымъ стражникомъ.

Приведенные три сановники считаются главными, за тѣмъ слѣдуютъ сыновья хановъ и другіе султаны т.-й-же фамиліи, занимающія, смотря по своимъ способностямъ, мѣста болѣе или менѣе важныя.

Далѣе говорилъ Эворка, что Крымъ производитъ въ изобиліи не только для потребленія но и для вывоза, въ особенности медь, неуступающій польскому т. и. Липецкому, воскъ, хорошую шерсть, масло, пшеницу, рожь, барановъ, коихъ однакъ ежегодно отпускается въ Константинополь до 100,000 головъ, рогатый скотъ и соль, которая въ лиманахъ садится въ июль мѣсяцъ подобно льду, а въ сентябрѣ снова исчезаетъ.

Крымскихъ или переконскихъ Татаръ считалось до 150,000 вооруженныхъ, да кромѣ того на случай войны имѣлось еще подъ оружіемъ до 40,000 семействъ ногайскихъ Татаръ.

Весь полуостровъ раздѣлялся на 40 кантоновъ, заключающихъ въ себѣ, каждый, отъ 30 до 40 селеній и находившихся подъ вѣдомствомъ судьи или кади.

Доходы хана простирались примѣрно до 1000 кошелекковъ, по 500 брабантскихъ талеровъ (Löwenthaler) каждый. Тутъ подразумеваются какъ обыкновенныя субсидіи Порты, такъ и доходы съ этого края, которые ханъ получаетъ съ городовъ и селеній, населенныхъ преимущественно Греками, съ таможенныхъ по плавнѣ за привозные и отпускныя товары (ок. 80 кошелекковъ) и соли (около 40).

Кальтъ Султану принадлежатъ города Акмечеть, Султанъ-Сарай и Карасу (*Karassa*: Карасу-базаръ), который по объему и по торговлѣ превышаетъ Бакчисарай. Кромѣ того ему принадлежали многія населенныя христіанами селенія, такъ что доходы его годовые простирались до 300 кошелекковъ.

Султану Нурредину принадлежатъ городъ Эскикрымъ, лежащій внутри края въ 50 верстахъ отъ Каффы, равно какъ и городъ Судакъ, гдѣ растетъ лучшее Крымское вино. Доходы сего сановника составляли около 60 кошелекковъ, кромѣ 10—12 кошелекковъ назначаемыхъ ему Портою съ доходовъ Кафонскихъ Султанъ Орбей или Оркани пользовался доходами города

Перекопа и товаровъ туда доставляемыхъ для привоза или отпуску. Вообще его доходы около 100 кошелевковъ.

Приведенный польскій дворянинъ Буковскій въ свою очередь разсказывалъ, что онъ товарищъ короноваго кравчаго Госкаго, и что его отправилъ коронный гетманъ съ тѣмъ, чтобы жаловаться на враждебныя дѣйствія Орлякскихъ козаковъ въ апрѣлѣ въ польской Украинѣ и просить отвѣта на письмо, которое имѣлъ при себѣ. Далѣе онъ говорилъ, что, прибывши 18 мая н. ст. въ Перекопъ онъ тамъ уже не засталъ хана, выступившаго на встрѣчу русскому войску: хотя по этому губернаторъ Перекопскій ему послалъ сказанныя письма, но получалъ отвѣтъ отъ хана, что онъ, по случаю похода, не могъ заниматься этимъ дѣломъ и просилъ, чтобы посланникъ имѣлъ еще терпѣніе и подождалъ до болѣе удобнаго времени. Но этому онъ, Буковскій, оставшись еще 4 дня въ Перекопѣ и неимѣвшій съѣстныхъ припасовъ, согласно изъявленному желанію переведенъ былъ въ Бакчисарай. Послѣ шестидневнаго тамъ пребыванія, ему суждено было видѣть, что Татары разграбили и умертвили многихъ жителей римско-католическаго исповѣданія, почему и рѣшился спастись въ Каффу, получивши для этого отъ знатнаго турка Наймъ-эенди паспортъ и двухъ человѣкъ стражи. Но, посоветовавшись съ французскимъ консуломъ, съ которымъ между тѣмъ свелъ знакомство и опасаясь отправиться въ Каффу, они наполнили свою эскорту и спаслись въ горы, отстояшія въ полторы мили отъ Бакчисарая, населенныя Греками и Армянами и до тупыя только чрезъ ущелье, которое одинъ только человѣкъ можетъ проходить разомъ. Когда же по пушечнымъ выстрѣламъ догадывался о приближеніи русскаго войска, онъ вмѣстѣ съ французскимъ консуломъ отправился въ путь, чтобы искать покровительство для себя и для христіанъ обитавшихъ въ горахъ. Дорогою же онъ былъ встрѣченъ партією русскихъ козаковъ, доставившихъ ихъ въ лагерь.

Все это было бы довольно правдоподобно, если-бы не имѣлись другія извѣстія, по которымъ можно было подозрѣвать, что коронный гетманъ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ ханомъ и доставлялъ ему какія то свѣдѣнія посредствомъ этого посланника.

Впрочемъ допесенія обонхъ сходны были въ томъ, что орда ханская уменьшилась до 30.000 человѣкъ, по большей части Ногайскихъ Татаръ. Всѣ болѣе зажиточные спаслись въ Каффу, гдѣ въпрочемъ Турки болѣе не хотѣли принимать Татаръ, поелику городъ этотъ уже до такой степени былъ наполненъ народомъ, что ока или три престоиной воды продавались по 12 копѣекъ или 3 гроша.

